

УДК 94 «18/19»(470.32):281.92

НАРОДНЫЕ ЧТЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВНЕШКОЛЬНОГО РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. *

**К. В. КОЗЛОВ, В. П. КАСАТКИН
А. И. МОЛЧАНОВ**

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: kozlov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается складывание практики организации и проведения православным духовенством народных чтений. Показан организационно-правовой механизм осуществления данной формы внешкольного религиозного просвещения в контексте взаимодействия Министерства народного просвещения и Синода.

Ключевые слова: Министерство народного просвещения, Синод, народные чтения, церковные братства.

Народные чтения являлись формой организации внешкольного образования, получившей наибольшее распространение в дореволюционной России. Возникновение и широкое распространение народных чтений было вызвано общим подъемом общественного движения начала 1860-х гг. Не оставалось в стороне от организации народных чтений и духовное ведомство. По Высочайше утвержденному 16 апреля 1869 г. решению Присутствия по делам православного духовенства, епархиальным архиереям было предоставлено право, после соответствующих согласований с гражданским начальством, давать разрешение на организацию и проведение народных чтений приходским священникам и преподавателям духовно-учебных заведений. Здесь же была определена и тематика чтений, которая включала «чтения о вопросах христианской веры и нравственности и событиях библейской и церковной истории и тому подобных, относящихся к кругу духовного просвещения предметах»¹.

Данное распоряжение достаточно показательно в том, что им в число должных лиц, имеющих право давать разрешения на проведение народных чтений, включался и епархиальный архиерей. Это было связано с запрещением от 10 июня 1862 г. проводить народные чтения из-за опасения пропаганды лекторами революционных идей, тем более что к этому времени еще не сложилась нормативная база их учебно-методического обеспечения. И это распоряжение имело существенное значение в организации православным духовенством народных чтений, прежде всего потому, что духовенству теперь не нужно было обращаться к гражданским чиновникам различного уровня (вплоть до губернатора и министра народного просвещения) для получения необходимого разрешения. Все эти вопросы теперь решались епархиальным архиереем. А, самое главное, что предоставлением права архиереям давать разрешения на проведение народных чтений было положено начало формированию этой формы внешкольного образования как церковной.

Следующим этапом складывания системы церковных народных чтений было включение их организации в компетенцию уездного отделения Епархиального училищного совета «Правилами» 1888 г., вошедшими позже в «Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты» 1896 г. Уездные отделения должны были заниматься организацией народных чтений под руководством священника в здании школы или в другом каком-либо помещении. В «Правилах о школах грамоты» 1891 г. указывалось, что учитель в праздничные и воскресные дни может прово-

* Исследование подготовлено в рамках работ по гранту РГНФ 11-31-00202a1 «Культурно-просветительские инициативы провинциальной общественности в губерниях Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX века: опыт микроисторического анализа» на 2011-2012 гг.

¹ Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884-1909 г.). СПб., 1909. С. 408.

дить в школе чтения для учащихся и родителей. Чтения эти должны были проводиться под контролем приходского священника и сопровождаться пением молитв и церковных песнопений. Этот факт может, на первый взгляд, рассматриваться как определение приоритетного типа церковных учебных заведений, которые должны стать базовыми для проведения народных чтений. Тем более что в «Правилах о церковно-приходских школах» 1884 г. не названы народные чтения при перечислении форм внешкольной работы, которые должны реализовываться в образовательной деятельности церковно-приходских школ. На наш взгляд, такая ситуация объясняется тем, что на базе школ грамоты – учебных заведений низшего типа, по сравнению с церковно-приходскими школами, нельзя было реализовать ни одну другую форму внешкольного образования. При этих школах сложнее было открыть дополнительные классы по предметам преподавания, ежедневные уроки для взрослых, ремесленные и рукодельные классы и, тем более, воскресные школы, которые согласно «Правилам о церковно-приходских школах» 1884 г. могли создаваться при одно- и двухклассных церковно-приходских школах. И, именно поэтому, в «Правилах о школах грамоты» 1891 г. не указаны никакие другие формы внешкольного обучения, кроме народных чтений.

Но практика организации народных чтений при школах грамоты не оказалась достаточно успешной. В промежутке с 1898 по 1906 г. народные чтения проводились максимум лишь при 17% школ грамоты, в то время как при 22 – 36 % одноклассных и 31 – 62 % двухклассных школ проводились чтения².

И в «Положении о церковной школе» 1902 г., применительно к школам грамоты, из форм внешкольного образования не указаны народные чтения, которые теперь предполагалось организовывать при церковно-приходских школах.

Наряду с организационным оформлением народных чтений, Синодом принимались меры к активизации деятельности духовенства в их организации, а главное, делались попытки определения конкретного содержания чтений, которые по характеру были религиозно – нравственными. Первым таким нормативным актом был указ Синода от 19 июня 1890 г., циркулярно разосланный по епархиям, которым архиереям предписывалось принять меры к тому, чтобы в каждом приходе были организованы вероучительные собеседования. Содержательно эти собеседования должны были включать две компоненты – вероучительную (учение о Троице, о Боговоплощении, объяснение православных таинств и обрядов) и нравоучительную (объяснение 10 заповедей, Символа веры, отдельных молитв с последующим выучиванием их наизусть прихожанами, обличение преобладающих в данной местности пороков). Обязанность проведения собеседований возлагалась на приходских священников, которые могли по своему усмотрению, а самое главное, «по мере подготовленности и усердия», поручать также дьяконам и псаломщикам, но обязательно под своим личным контролем. Этим также определялись и формы поведения собеседований – устное изложение (лекция) или чтение по тетради или книге, но обязательно отчетливое и непродолжительное. По ходу собеседования необходимо было активизировать познавательную деятельность слушателей, задавая вопросы и отвечая на вопросы аудитории.

Показательны в этом указе, на наш взгляд, два обстоятельства: во-первых, воскресные собеседования должны были носить исключительно религиозный характер, как по своему содержанию, так и по составу лекторов. О какой-либо общеобразовательной составляющей речи не шло. Во-вторых, в указе не определены места проведения собеседований, но по контексту становится очевидным, что основным местом подобных собеседований должен быть храм. Здание школы, церковной или мнистерской, не рассматривается даже в качестве возможного варианта.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что данный указ являлся документом, определяющим порядок проведения, содержания, а главное, побуждающим архиереев и духовенство проводить катехизические беседы в храме как исключи-

² Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884-1909 г.). СПб., 1909. С. 413.

тельно внутрицерковные мероприятия. Но, на наш взгляд, значение этого указа выходит за указанные рамки и его следует рассматривать как практическую реализацию установки Синода на придание внебогослужебным беседам, народным чтениям катехизаторский характер в отличие от воскресных школ, которые сразу же декларировались по содержанию образования как конфессиональные и общеобразовательные учебные заведения. И этот указ был единственным, которым определялось содержание внебогослужебного общения священнослужителей с прихожанами. Основные положения данного указа без изменения вошли в «Инструкцию настоятелям церквей», утвержденную определением Синода от 8 мая – 4 июля 1901 г.

Последующие нормативные акты касались организационной стороны проведения народных чтений, закрепляя оформление церковных народных чтений, дифференцирующихся от подобных мероприятий, проводимыми представителями различных светских ведомств и общественных организаций.

Министерским распоряжением от 14 марта 1891 г. было определено, что народные чтения, проводимые в зданиях учебных заведений, подведомственным Министерству народного просвещения по инициативе уездных отделений Епархиальных училищных советов, не подлежат контролю инспекции народных училищ, а находятся в ведении только епархиального начальства³.

«Положением об устройстве народных чтений в уездных городах и селениях», утвержденных 11 октября 1894 г., окончательно был разграничен порядок организации народных чтений светскими лицами и духовенством. Светские лица, даже руководители и педагоги учебных заведений, должны были получать разрешения на проведение народных чтений у министров народного просвещения и внутренних дел и у обер-прокурора Синода. Приходскому священнику или учителю церковной школы нужно было лишь подать заявление по установленной форме в уездное отделение Епархиального училищного совета, что значительно ускоряло получение разрешения. Тем более что определением Синода от 7–17 ноября 1911 г. все вопросы, связанные с организацией и проведением народных чтений, передавались в исключительное ведение уездных отделений. «Правилами о народных чтениях» 1901 г. и дополнившими их «Правилами о народных чтениях, устраиваемых при учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения» 1902 г. был значительно упрощен порядок получения разрешения светским лицам на проведение народных чтений. Но в них же было указано, что духовенством народные чтения должны организовываться по прежней схеме, то есть только через епархиальное начальство.

Несмотря на достаточно разработанный нормативный порядок организации духовенством народных чтений, на практике создавалось много неоднородных прецедентов. Это было связано с тем, что в 1880–1890–е гг. происходило становление системы церковно-школьного управления и неопределенностью ее компетенции и положения наряду с существовавшей уже системой церковного управления. Поэтому священники обращались за разрешениями о проведении народных чтений лично к епархиальным архиереям. Так, еще в 1870–е гг. священник Курской епархии Г. Попов проводил воскресные внебогослужебные беседы по программе, утвержденной епархиальным архиереем⁴. В 1897 г. епархиальный наблюдатель Тамбовской епархии С.Д. Бельский в письме к В.И. Шемякину от 9 января рисует следующую картину: «Праздничные народные чтения с туманными картинками учреждены при многих церковных школах епархии. Какого-либо распоряжения на сей предмет со стороны епархиального начальства не было. Порядок учреждения чтений обычно таков. Заведующий школой входит прошением к Преосвященному. Преосвященный разреша-

³ Законы и справочные сведения по начальному народному образованию / сост. А. С. Пругавин. СПб., 1898. С. 655.

⁴ Воскресные и праздничные (внебогослужебные) беседы как особый вид церковно-народной проповеди. Воронеж, 1880. С. 66.

ет»⁵. В Курской епархии инициатива проведения народных чтений исходила от епархиального наблюдателя И. Каплинского, который в 1896 г. обратился в Епархиальный училищный совет с этим предложением. Постановление о проведении при церковных школах народных чтений было принято Советом на заседании 18 мая 1897 г.⁶

В церковно-школьной инспекции рассматривались вопросы, связанные с организацией народных чтений только при церковных школах. И принимаемые решения носили достаточно общий характер, так как это было связано с неустойчивым характером ресурсного обеспечения проведения народных чтений. Так, например, на Съезде председателей уездных отделений Курского епархиального училищного совета и уездных наблюдателей, проходившего в г. Курске с 27 по 31 сентября 1905 г. было принято постановление «открывать народные чтения во всех тех пунктах, где имеются к тому благоприятные вопросы»⁷. А Съездом уездных наблюдателей церковных школ Орловской епархии 24–28 августа 1908 г. было признано проводить народные чтения при второклассных и двухклассных церковных школах в обязательном порядке, а при остальных школах – «желательным, если позволяют местные условия»⁸.

Фактическое руководство организацией народных чтений в епархиях осуществляли церковные братства, которые и финансировали их проведение. Церковные братства, нормативной основой деятельности которых было «Положение о церковных братствах» 1864 г., являлись церковно-общественными организациями, создаваемыми в епархиях с целью распространения религиозно-нравственного просвещения в пределах епархии⁹.

Особенностью организационной структуры братства являлось то, что епархиальный архиерей был его попечителем, а его викарий – председателем. И это делало церковное братство скорее частью церковной инфраструктуры, чем общественной организацией. Но именно это обстоятельство позволяло церковным братствам достаточно эффективно решать задачи, связанные с организацией народных чтений. Приоритет братств в организации народных чтений обозначался в ходе, оказавшейся неудачной, практики совмещения братств с Епархиальными училищными советами. И следствием этого стало разделение сфер деятельности между этими структурами: Епархиальные училищные советы стали заниматься созданием сети церковных школ, а братства – организацией внешкольного религиозного просвещения и, в частности, народных чтений. Тем более, что подобное разделение вполне соответствовало уставным задачам церковных братств, обязательным пунктом которых было содействие открытию и проведению публичных народных внебогослужебных беседований пастырей с прихожанами.

Указанная выше особенность церковных братств как структурной части Русской Православной церкви находила свое положительное выражение в том, что братства были достаточно многочисленны, и приходское духовенство считало своей обязанностью быть членами епархиальных братств. И поэтому постановления Совета братства рассматривались как руководственные по двум причинам. Первое – потому что чаще всего священник являлся членом братства – братчиком и второе – эти постановления утверждались попечителем братства – епархиальным архиереем. Так, согласно постановлению от 28 ноября 1906 г., утвержденного епископом Серафимом (Чичаговым), Совет Орловского Православного Петропавловского братства *просил* (курсив мой - К.К.) настоятелей храмов, расположенных в уездных городах, провести

⁵ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 803. Оп. 12. Д. 13. Л. 232 об.

⁶ См.: РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 13. Л. 94.

⁷ Протоколы заседаний Съезда председателей уездных отделений Курского епархиального училищного совета, уездных наблюдателей церковных школ Курской епархии и благочинных с 27 по 31 сентября 1905 г. // Курские епархиальные ведомости. 1905. № 41. Часть офиц. С. 419.

⁸ Постановления Съезда уездных наблюдателей церковных школ Орловской епархии 24–28 августа 1906 г., исправленные и дополненные Епархиальным училищным советом и утвержденные Его Преосвященством 20 декабря // Орловские епархиальные ведомости. 1907. №8. С. 15.

⁹ Устав братства, учреждаемого при кафедре Воронежского Архиепископа. Воронеж, 1885. С. 1.

в течение Рождественского мясоеда и Святой Четыредесятницы 1907 г. ряд народных чтений по современным религиозно-нравственным вопросам. Для этого следовало найти подходящее помещение, пригласить лекторами священно- и церковнослужителей, преподавателей духовно-учебных заведений и учителей церковных школ и составить программу чтений¹⁰.

Информацию о проводимых в епархиях чтениях Советы братств собирал не путем личного обращения к священникам, а через внутрицерковные управленческие структуры. Так, Совет Воронежского братства святых Митрофана и Тихона в 1885 г. сведения о внебогослужебных собеседованиях получил от Духовной консистории, а в 1887 г. по благословению попечителя епископа Воронежского Вениамина (Смирнова) Совет обратился за соответствующей информацией к благочинным¹¹.

Поскольку организация народных чтений стала одной из основных направлений деятельности церковных братств, то в них создавались подструктуры, занимающиеся народными чтениями. При Советах братств создавались Комиссии по устройству народных чтений. Комиссии эти были немногочисленны и их члены занимались разработкой нормативно-правовой и учебно-методической документации по организации народных чтений. Так, Комиссией Орловского Петропавловского братства по поручению Совета братства в 1897 г. были разработаны «Программа для систематического ведения внебогослужебных чтений и собеседований», «Руководственные наставления к программе внебогослужебных чтений и собеседований в Орловской епархии» и «Реестр книг, брошюр и изданий, особенно пригодных для ведения внебогослужебных чтений и собеседований». Причем, за образец были взяты аналогичные документы, разработанные Астраханским Кирилло-Мефодиевским братством. А три года спустя – в 1900 г. – Орловский епархиальный училищный совет обратился в Петропавловское братство с запросом о разработке правил и программ для проведения народных чтений при церковных школах. Комиссией были рекомендованы для этого ранее разработанные программа, руководственные наставления и реестр книг¹².

Непосредственной организацией и проведением народных чтений занимались члены приходских, окружных (в границе благочиннического округа) и уездных комитетов по ведению религиозно-нравственных чтений. Данные комитеты создавались исключительно по территориальному принципу и не находились в каком-либо соподчинении относительно друг друга. В комитеты, как правило, входили священно- и церковнослужители, церковные старосты, учителя церковных и светских школ.

Так, например, в 1896-1897 учебном году в Комитет по ведению религиозно-нравственных чтений прихода Покровской церкви г. Фатежа Курской губернии входили: настоятель – священник А. Молотков, дьякон И. Булгаков, псаломщик Г. Иванецкий, попечитель Покровской церковно-приходской школы М. Барков, учителя городского училища А. Касименко, И. Попов, А. Петровский и «другие лица», а также «из граждан» Я. Добромыслов, И. Чаплыгин и И. Никифоров¹³. Такой многочисленный состав комитета объясняется тем, что он осуществлял непосредственную организацию народных чтений, и его члены являлись лекторами.

Деятельность церковных братств по организации народных чтений заключалась в разработке учебно-методического обеспечения (программы, литература) и

¹⁰ См.: Орловская епархия в 1906 – 1908 гг. при Преосвященнейшем епископе Серафиме (Чичагове). Кишинев, 1914. С. 345.

¹¹ См.: Отчет Воронежского братства святых Митрофана и Тихона за 1885 г. Воронеж, 1885. С. 5.; Отчет Воронежского братства святых Митрофана и Тихона за 1886 г. Воронеж, 1887. С. 6.

¹² См.: Православные церковные братства // Церковные ведомости. 1898. № 51 – 52. Приб. С. 1975.; С.В.Ф. Религиозно-нравственные чтения, устрояемые при церковно-приходских школах // Орловские епархиальные ведомости. 1903. № 10. Часть неоф. С. 229.

¹³ См.: Отчет о состоянии Покровской церковно-приходской школы г. Фатежа за 1896 – 1897 г. Фатеж, 1897. С. 6.

предоставлении во временное пользование технических средств («волшебные фонари», «световые (туманные) картины»). Кажущаяся на первый взгляд незначительность оказываемой братствами помощи объяснима спецификой народных чтений. При том, что проведение народных чтений не требовало значительного ресурсного обеспечения, в определенных случаях, особенно в городе, они могли стать самоокупаемым мероприятием за счет введения платы за посещение в размере 30-50 копеек. Поэтому, предоставление технических средств и, прежде всего, «световых картин», приобретение которых было достаточно сложно из-за их стоимости и необходимости постоянного обновления, являлось как раз тем обстоятельством, которым определялась возможность проведения народных чтений.

Кроме народных чтений, то есть в буквальном смысле чтений, проводимых для крестьян и рабочих, в губернских городах проводились богословские чтения (литературно-богословские лекции). Эти чтения, организуемые церковными братствами при духовных семинариях, были ориентированны на интеллигенцию и, в целом, образованную часть городского населения. Главной проблемой при организации богословских чтений был подбор не только компетентных, но и скорее даже ярких и талантливых лекторов. По словам протоиерея Петропавловского кафедрального собора г. Орла М. Смирнова (1907 г): «Чтения для интеллигенции требуют в настоящее время, когда общество занято политическими вопросами и равнодушно к религии, особенно талантливых лекторов»¹⁴.

Лекторами на богословских чтениях выступали преподаватели духовных семинарий, законоучителя светских учебных заведений, епархиальных миссионеры. Тематика богословских чтений охватывала самый широкий круг вопросов духовной и общественной жизни, актуализируемых современностью. Так, например, «Вера и знание, религия и наука», «Нравственность и религия», «О христианской свободе и миссионерском признании России», «В.С. Соловьев как религиозный мыслитель», «Л. Толстой и его религиозно-философские учения при свете Евангелия, здравого разума и перед судом светской критики», «Материально-экономический вопрос с христианской точки зрения», «Христианство и социализм» и т. д.¹⁵

Таким образом, народные чтения являлись важнейшей составляющей системы внешкольного религиозного просвещения Русской Православной церкви в конце XIX – начале XX вв. Организация народных чтений для Церкви являлась достаточно значимым делом, так как, во-первых, расширяло рамки ее образовательной деятельности, а, во-вторых, являлась адекватным реагированием на инициативы светской педагогической общественности. В организационно-правовой механизм проведения народных чтений не были включены светские образовательные учреждения. Контингент лекторов составляли преимущественно духовенство и учителя церковных школ. Подобная позиция церковных властей являлась отражением общей тенденции самоопределения Церкви в общественной жизни пореформенной России. В этой ситуации народные чтения, рассматривались как своеобразное продолжение храмовой проповеди приходского духовенства, которое в лице посетителей чтений получало дополнительную аудиторию.

¹⁴ Орловская епархия в 1906 – 1908 гг. при Преосвященнейшем епископе Серафиме (Чичагове). Кишинев, 1914. С. 347.

¹⁵ См.: Богословские чтения в Курской духовной семинарии // Церковные ведомости. 1901. № 10. Прибавл. С. 359; Богословские чтения в Воронеже // Церковные ведомости. 1902. № 17. Прибавл. С. 591; Богословские чтения в Воронеже // Церковные ведомости. 1903. № 16. Прибавл. С. 625; Богословские чтения // Церковные ведомости. 1904. № 17. Прибавл. С. 637; Отчет о состоянии и деятельности Орловского Православного Петропавловского братства за 1912 г. (26-й год существования) // Орловские епархиальные ведомости. 1913. № 37. Прилож. С. 31; Литературно-богословские лекции в Орле // Орловские епархиальные ведомости. 1914. № 9. Часть неоф. С. 269.

PUBLIC READINGS IN OUT-OF-SCHOOL RELIGIOUS EDUCATION SYSTEM OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE END OF XIXth – BEGINNING OF XXth CENTURIES

K.V. KOZLOV
V.P. KASATKIN
A.I. MOLCHANOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: kozlov@bsu.edu.ru

The article describes the way public readings were organized and developed by Orthodox clergy. Legal and practical aspects of this form of out-of-school religious education are also considered within the framework of collaboration between Ministry of Education and Synod.

Key words: Ministry of Education, Synod, public readings, fraternities.